

ПОТЕРИ НАУКИ

УДК 93

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ КЛИМЕНТЬЕВНЫ ЧИСТЯКОВОЙ (1923–2019)

© 2020 г. М. Г. Волкович,* Ю. А. Дунаева,** А. А. Пржиборо,***
Б. А. Коротяев****

IN MEMORIAM: ALEKSANDRA KLIMENTIEVNA CHISTYAKOVA (1923–2019)

¹Зоологический институт РАН

Университетская наб., 1, С.-Петербург, 199034 Россия

*e-mail: acmaeodera@mail.ru, **e-mail: bibl@zin.ru, ***e-mail: dipteran@mail.ru,

****e-mail: korotyay@rambler.ru

Поступила в редакцию 19.01.2020 г.

После доработки 01.06.2020 г.

Принята к публикации 01.06.2020 г.

DOI: 10.31857/S0367144520020215

18 декабря 2019 г. на 97-м году жизни ушла из жизни старейшая сотрудница Зоологического института Александра Климентьевна Чистякова.

Александра Климентьевна родилась 25 марта 1923 г. в с. Бастремовка Акмолинской обл. (Казахстан). В 1942 г. она с отличием окончила среднюю школу, затем работала в поселковом совете, а в 1943 г. поступила в эвакуированный в Ташкент Ленинградский электротехнический институт. Как и большинство студентов военного поколения, она сочетала учебу с работой в ночные смены на производстве, в летние месяцы работала

на хлопковых полях, а после возвращения института в Ленинград в 1945 г. – в его охране. К сожалению, по семейным обстоятельствам Александра Климентьевна была вынуждена оставить учебу после 2-го курса.

21 июня 1946 г. Александра Климентьевна была зачислена временным сотрудником Отдела наземных беспозвоночных ЗИН и вскоре была переведена на должность лаборанта в отделение сетчатокрылых под руководством И. И. Соколова и С. Г. Лепнёвой, продолжая курировать коллекции пауков и многоножек. Вскоре она стала высококвалифицированным коллекционным лаборантом, не только владеющим всеми методами обработки материала, постановки и каталогизации коллекции, но и способным определять представителей многих групп членистоногих, оказывая помощь начинающим студентам и аспирантам. Помимо работы с коллекциями она активно помогала сотрудникам в подготовке научных публикаций. В 1954 г. Александра Климентьевна была вынуждена оставить работу и вернулась в ЗИН в ноябре 1958 г. В 1959 г. она перешла в отделение жесткокрылых, сначала на должность лаборанта, а впоследствии была переведена на должность старшего лаборанта (1965 г.) и хранителя коллекции. Хотя Александра Климентьевна вышла на пенсию в 1986 г., она фактически продолжала работать в отделении жесткокрылых до 2004 г.

Годы работы Александры Климентьевны в отделении жесткокрылых пришлось на период наиболее интенсивного и плодотворного изучения фауны насекомых СССР и сопредельных стран. Многочисленные экспедиции в самые отдаленные уголки Рос-

Сотрудники и гости отделения жесткокрылых, 1961 г. Сидят: А. К. Чистякова, Д. С. Шапиро, М. Е. Тер-Минасян. Стоят: В. Ф. Палий, Р. Д. Жантиев, А. И. Коханская, И. К. Лопатин, О. Л. Крыжановский, Г. С. Медведев, Н. Н. Филиппов (= Женжурист), Б. В. Добровольский, С. И. Медведев, А. И. Проценко, жена А. И. Проценко Светлана, Е. Л. Гурьева, А. В. Алексеев, А. А. Любищев, С. М. Яблоков-Хнзорян. Фотография из архива отделения жесткокрылых ЗИН.

сии, Казахстана, Средней Азии и Монголии пополняли коллекцию обширным материалом, обработка которого требовала много сил и времени и проходила при непосредственном участии Александры Климентьевны и при ее руководстве более молодыми лаборантами отделения. Кроме того, она участвовала в возвращении коллекции на место после переноса ее части в подвал института в годы войны. Позже коллекционные шкафы были заменены, и перемещение миллионов экземпляров жуков в новые шкафы и ящики также было титаническим трудом. За время работы Александры Климентьевны сотрудниками отделения и аспирантом Г. С. Медведева В. Д. Логвиновским были опубликованы 6 томов «Фауны СССР», несколько выпусков Определителей по фауне СССР, Определитель жесткокрылых европейской части СССР, множество выпусков Трудов Зоологического института и Всесоюзного (в дальнейшем – Русского) энтомологического общества, и едва ли какое-то из этих изданий готовилось без ее помощи, как и 2 тома «Фауны СССР» по пластинчатоусым, выпущенные С. И. Медведевым. В течение более чем 30 лет Александра Климентьевна помогала Г. С. Медведеву в работе с рукописями для журнала «Энтомологическое обозрение» – это была почти каждодневная работа на пишущей машинке, на которой она также печатала для Глеба Сергеевича немало документов для текущей работы и его статьи. Орфографических ошибок Александра Климентьевна не делала.

Квалификация Александры Климентьевны была почти немыслимой. Когда магаданский аспирант спросил, не знает ли она, как найти в коллекции североамериканского долгоносика, известного в России только с восточного побережья Чукотки, она задумалась на несколько секунд и безошибочно показала ящик (которых в кабинете было около полутора тысяч) с этим жуком. Большую часть жуков Александра Климентьевна узнавала до семейства и помнила очень много названий, аккуратно ставила коллекцию по разным группам с красиво написанными ею донными этикетками. С работы она нередко уходила последней. Когда в 90-е годы XX в. работу в вечернее время дирекция не поддерживала, пытаясь сэкономить на оплате расходуемой институтом электроэнергии, директор ЗИН, академик А. Ф. Алимов однажды посоветовал, что у энтомологов два главных нарушителя – Чистякова и Катаев, и Александре Климентьевне сказали об этом, глаза ее гордо блеснули. Уже в восьмидесятилетнем возрасте она частенько поднималась по стремянке, чтобы достать до верхних секций коллекционных шкафов, и даже случившееся однажды опасное падение ее не остановило.

Во время работы в ЗИНе Александра Климентьевна принимала участие во многих экспедициях на территории России, на Кавказе, в Казахстане и в Монголии (1975–1976 гг.), в которых она собрала ценный материал по жесткокрылым и другим группам насекомых.

Александрю Климентьевну всегда отличали исключительное трудолюбие и аккуратность. Помимо работы с коллекциями и технической подготовки рукописей для «Энтомологического обозрения», «Трудов РЭО» и многочисленных сборников она отдавала много времени приезжим специалистам, не только помогая им находить необходимые материалы и литературу, но и создавая в отделении особую атмосферу душевной теплоты.

Александра Климентьевна всегда относилась к работе с коллекцией как к важнейшему делу своей жизни, а к коллективу отделения жесткокрылых – как к своей семье. Это отношение она переносила и на гостей, быстро становясь для всех родным человеком. Обычно Александра Климентьевна была первой, кого встречали приезжавшие в отде-

А. К. Чистякова в отделении жесткокрылых, 2001 г. Сидят: А. Б. Егоров, А. К. Чистякова, Н. Н. Юнаков. Стоят: К.-Дж. Хонг (Республика Корея), Г. С. Медведев, Б. А. Коротяев, Б. М. Катаев, А. Л. Лобанов, А. В. Фролов. Фотография М. Г. Волковича.

ление жесткокрылых коллеги, и ее постоянное присутствие воспринималось как привычное и необходимое. Она тепло встречала гостей, находя им рабочие места и удивляя всех своей памятью и вниманием к их судьбе и заботам. Сотрудники отделения очень долго и трудно привыкали к тому, что, приходя на работу, они не встречали больше Александру Климентьевну, и еще долго после ее ухода из ЗИНа приезжие специалисты спрашивали про нее и интересовались ее жизнью.

После смерти жившего вместе с ней сына к слабеющей Александре Климентьевне приехала из Харькова дочь, Н. Ю. Чистякова, и бережно ухаживала за ней. Летом 2019 г. она перевезла ее к своей семье в Харьков, где Александра Климентьевна и скончалась.

Ниже мы приводим текст воспоминаний Александры Климентьевны, который составлен по аудиозаписям интервью, взятых у нее 17 января и 24 апреля 2017 г. Ю. А. Дунаевой и А. А. Пржиборо и согласованных с Александрой Климентьевной.

«В стольпинское время мои родственники переселились с Украины в Казахстан, в Акмолинскую область. Там я родилась в 1923 году. Мой отец занимался сельским хозяйством, а мой дедушка был инвалид, у него нога одна не работала. Он был портной у нас. Мы жили всей семьей, в одном доме и дедушкина семья, и наша – мои мама и папа и трое детей. У меня еще были брат и сестра. А у дедушки с бабушкой были еще дети, кроме моего папы, сын и дочь. Нас человек десять жило в одном доме. У нас даже на кухне кровати стояли, а дети только на полотах могли спать. Отец держал скот,

и в дедушкиной семье был скот. И получалось, что скота как бы много. Лошадей только было пять голов. Но ведь это на всех. А разбираться не стали и моего отца в 1932 году раскулачили. Обвинили в том, что он не выполнил норму по сдаче зерна. А норма была очень большая, к тому же те годы были очень засушливые. Мой отец в семье фактически один только мог работать, ему было эту норму не выполнить. И вот пришли, стали искать зерно, якобы зарытое, все во дворе перекопали, папу арестовали, а нам велели из дома убираться. Дедушку как инвалида не тронули, а нам пришлось уходить. Хорошо, нас соседи приютили до весны. Они были не местные, и моя мама им помогала, когда они приехали, хлеб им носила. Папу отправили в город Кокчетав, но продержали в тюрьме недолго, он довольно скоро вернулся. Потом нам разрешили вернуться домой, но все наше имущество забрали и всю скотину. У нас вообще ничего не осталось, кроме пустого дома, и наша семья стала голодать, лебеду ели и щавель. И тогда мой папа решил, что мы все должны уехать, он будет искать работу в каком-нибудь городе. А дедушка и брат отца остались.

У моих родителей не было паспортов, и свидетельств о рождении тоже не было. Крестьяне тогда жили без документов. Но, когда мы уехали из дома, начались проблемы.

В путь мы отправились всей семьей – мама, папа и трое детей. На машине и на поезде мы доехали до Омска. В Омске остановились, так как у меня очень заболели глаза от дорожной пыли. Папа пошел на станцию и встретил своего однополчанина, товарища по армии. Он сказал, что без документов они в Омске не смогут устроиться и посоветовал отцу ехать на Дальний Восток. Мы поехали и добрались до Сахалина. Стали жить в Охе, где нефть качают. Там были концессии японские, но работали в основном русские и выходцы из Азербайджана. Папу взяли на работу на заводе. Родители там пытались получить паспорта. Маме давали, а папе – нет. И вот надо было уже уезжать, а на пароход не сесть. Лишь на последнем пароходе смогли уехать и добрались только до Комсомольска-на-Амуре, дальше пароход не пошел.

В Комсомольске-на-Амуре папа устроился работать на лесозаготовки. Жили мы там в землянке, много семей в одном помещении. У нашей мамы тогда родился еще один ребенок, нас стало четверо. Папа стал еще подрабатывать – шить брюки и шубы. Он научился этому у своего отца и когда в армии служил. Папу взяли на работу портным, и вот тогда нам дали комнату. Мы с сестрой там ходили в школу, в центр города. Нужно было долго идти по берегу Амура. Работал папа хорошо, план выполнял. Теперь уже папе дали паспорт, а маме не давали, поэтому из Комсомольска-на-Амуре нам тоже пришлось уехать.

Какое-то время мы жили в Средней Азии, в Джалал-Абаде, потом в Алма-Ате. В Джалал-Абаде жили на краю города, прямо перед хлопковым полем. Папа работал на железной дороге грузчиком. Жилье снимали, была только одна маленькая комната. В школу приходилось очень далеко ходить.

Наши странствия продолжались примерно шесть лет. За это время в нашей семье родились еще дети. Нас стало пятеро братьев и сестер. Я была самая старшая.

Когда, наконец, в 1938 году маме дали паспорт, мы смогли вернуться к дедушке в Акмолинскую область. Но там жили недолго, так как там не было школы-десятилетки, только четыре класса, а папа хотел своим детям дать образование.

И мы поехали на восток, за Семипалатинск, в Зырянский район. Там был леспромхоз просто в лесу, при леспромхозе несколько барачков для рабочих. Но зато была школа-десятилетка. К нам даже из соседнего села, которое называлось Столбоуха, приходили дети учиться.

Все мужчины работали на лесозаготовках. Они на неделю уходили в лес на участки. Приходили в субботу вечером, а вечером в воскресенье опять уходили на участки. Заготовленный лес сплавляли по рекам до Иртыша.

Мы, дети, когда в школе учились, помогали взрослым сено для коровы заготавливать, огород поливать, потом в леспромхозе тоже работали. Здесь у моих родителей родилось еще два ребенка, нас стало семеро детей. Самый младший ребенок родился в 1942 году, когда уже война началась, и мой папа ушел на фронт. А я тогда уже окончила школу и работала в леспромхозе, и еще – старшей пионервожатой.

В нашем поселке жили две эвакуированные девушки с Украины, Зоя и Вера. Вера перед войной училась в Ленинграде в Педагогическом институте. Когда началась война, она не смогла вернуться на Украину, потому что там уже были немцы, и ее эвакуировали на Алтай. Но она знала, что ленинградский Электротехнический институт эвакуирован в Ташкент, и можно поехать туда учиться. И вот Вера и Зоя стали меня агитировать ехать с ними. Мы послали письмо в Ташкент, и нам пришло приглашение. Мама меня не хотела отпускать, но потом согласилась, и мы поехали. К сентябрю 1943 года приехали в Ташкент.

Нам дали маленькое полуподвальное помещение в общежитии, мы его побелили и стали в нем жить. Потом к нам еще девушек подселили. Общежитие было на окраине, далеко от института. Но зато рядом был пивоваренный завод, мы туда устроились сушить сухари для фронта. Работали в ночную смену.

В январе 1945 года Электротехнический институт получил разрешение на возвращение в Ленинград. Нам был выделен целый состав из вагонов-теплушек. В Ленинград мы приехали 11 марта 1945 года, как сейчас помню. Тогда город еще казался вымершим. Все окна были затянуты черным. Вечером освещения на улицах не было. Однажды мы пошли в Мариинский театр и еле вернулись домой – заблудились в темноте.

8 мая мы все время ждали сообщения об окончании войны, не могли толком учиться: в коридоре все время звенел звонок. Но сообщение пришло только ночью. Все стали бегать по коридору, стучать во все двери, кричать.

Учебу в Электротехническом институте мне вскоре пришлось бросить, так как мои родители совсем не могли присылать мне деньги, а на стипендию и по студенческой карточке было не прожить. Продукты были очень дорогие после войны. Пришлось искать работу.

Математику у нас в Электротехническом институте преподавала Валентина Леонтьевна Попова. Мы с ней еще в Ташкенте познакомились. Я подрабатывала в институте, сидела на вахте, когда Валентина Леонтьевна мимо проходила, часто останавливалась, разговаривала со мной. Потом Валентина Леонтьевна заболела, у нее случился инсульт, и мне об этом сказали. В больницу ее не взяли. Она была одинокая, я пришла ее навестить, и так получилось, что я стала жить у нее в доме преподавателей возле института и ухаживала за ней, пока ей не стало лучше. Потом я обратно в общежитие переехала, но часто приходила к ней помогать. Дрова нужно было покупать и носить со двора на

верхний этаж, печку топила, на кухне помогала. Валентине Леонтьевне прописали пивок, я за ними ездила и ставила их, так мы с ней стали близкими знакомыми.

Валентина Леонтьевна была родственницей Владимира Вениаминовича Попова, который в Зоологическом институте занимался пчелами. Я через нее познакомилась с Владимиром Вениаминовичем и с Ариадной Николаевной Поповой, она была его женой и тоже работала в Зоологическом институте, занималась стрекозами. Ариадна Николаевна буквально спасла Владимира Вениаминовича во время ленинградской блокады. Он очень серьезно болел, а она его выходила. Они мне и рассказали, что можно устроиться лаборантом в Зоологический институт, и в июне 1946 года я поступила в него на работу.

Мы восстанавливали коллекции. Сначала я работала в отделе пауков. Мне помогал один преподаватель из университета, я забыла его фамилию, кажется, Орлов. Во время войны часть коллекций была вынесена в подвал. Там было сыро, а не все хранилось в закрытых ящиках, и коллекции гнили. Пришлось многое чистить, мыть, ставить заново. Но коллекция пауков была вся спиртовая, нужно было только доливать спирт.

У Софьи Григорьевны Лепнёвой тогда не было лаборанта, и меня прикрепили к ней, я должна была еще и у нее работать помимо пауков. Она занималась ручейниками. Софья Григорьевна меня многому научила: я и этикетки писала, и раскладывала личинок по пробиркам. Кроме того, я работала с Ариадной Николаевной. Она еще до войны приехала в Ленинград из Саратова, где работала у Бенинга. В этом отделении были стрекозы и ручейники – была уже и сухая коллекция, и спиртовая – личинки. Ручейники во время войны оставались на втором этаже, с ними было меньше проблем. Вообще, те коллекции, которые не были вынесены в подвал, сохранились лучше.

С. Г. Лепнёва, А. К. Чистякова и А. Н. Попова в Зоологическом институте, 1953 г.
Фото из личного архива Л. А. Жильцовой.

Софья Григорьевна мне очень помогла с пропиской. Так получилось, что у меня пропал чемодан с одеждой и паспортом. Я у Валентины Леонтьевны оставила, и он пропал. И я очень долго ждала, когда придут документы, посылала запрос в Восточно-Казахстанскую область, и все это время жила без прописки в институте. А потом Софья Григорьевна нашла людей, которые меня у себя прописали. В 1952 году я вышла замуж.

Мой муж был ленинградец. До августа 1942 года он жил в блокадном городе, потом его взяли на фронт. Он защищал «Невский пятачок», был ранен. Пока везли, отморозил ногу и на фронт уже больше не попал. Позже на Севере был, а в 1945 году вернулся.

Из тех, кто тогда работал в институте, я помню Льва Леонидовича Мищенко, Льва Владимировича Арнольди, Маргариту Ервандовну Тер-Минасян, потом пришли Елена Леонидовна Гурьева, Виктор Абрамович Заславский, Глеб Сергеевич Медведев. Клавдия Григорьевна Ромадина была хранителем в отделении жуков. У В. В. Попова работала Вера Павловна Рудольф. В институте работали [Ирина Александровна] Четыркина и [Николай Сергеевич] Борхсениус. Вера Павловна и Клавдия Григорьевна рассказывали, как в блокаду они бегали по чердакам – тушили зажигалки. Рассказывали, как в Сталинабаде [= Душанбе] жили.

Большую часть времени я проводила в лаборатории «за перегородкой», а там было очень холодно. Пока замуж не вышла, жила прямо в институте, там, где сейчас отделение герпетологии. Я жила в маленькой комнате, в которую надо по лестнице подниматься, там сейчас Лев Яковлевич Боркин работает. А тогда я там жила вместе с нашей кассиршей. Рядом жила Маргарита Ервандовна Тер-Минасян со своими девочками. Муж-то у нее, Андрей Андреевич Рихтер, умер. Ирина Евгеньевна Павловская, дочь Евгения Никаноровича [Павловского, директора ЗИН в 1942–1962 гг.], жила там же со своими мальчиками, но у нее был отдельный вход. Ее первый муж был [Борис Евсеевич] Быховский, а потом она так и не вышла замуж. Она часто ездила за границу вместе со своим папой. Он уже был старенький, но выглядел хорошо. У Ирины Евгеньевны была домработница, старушка, она приходила к ней готовить обед. Еду варили на общей кухне, на примусах.

Тогда весь верхний этаж в том [«административном»] корпусе был жилой. Там еще жили Арнольди, [Георгий Устинович] Линдберг, [Лидия Андреевна] Жильцова. В подвале, где сейчас бухгалтерия, тоже жили – обслуживающий персонал, уборщицы. Они в основном были татары, очень хорошие. Рабочим помещением была только канцелярия. У нас вход был по отдельной лестнице. Там дежурный сидел. Мы утром, когда уходили на работу, номерки сдавали, а вечером брали.

Администрация ЗИНа все время хлопотала, чтобы сотрудникам выделяли квартиры в городе, но тянулось это долго. Когда я в 1952 году к мужу переехала, в институте еще жили, и потом еще жили какое-то время. ЗИНу плохо квартиры давали. Один раз дали сразу несколько квартир в доме на Московском проспекте, где улица Фрунзе. Туда переехали Л. В. Арнольди, Л. А. Жильцова и В. Я. Панкратова. Но они должны были эти квартиры отработать на стройке.

На работу мы приходили к 9 утра, а сидели иногда с Софьей Григорьевной и до 11 вечера. Никто не выгонял. Для профессоров и научных сотрудников была тетрадь записи

прихода и ухода. У них было более свободное расписание. Софья Григорьевна могла и к 12 прийти на работу. Она жила на Васильевском острове, недалеко от БАНа [Библиотеки Академии наук]. Жила вдвоем с братом, он был врач, ухо-горло-нос. Я у Софьи Григорьевны часто бывала дома, ночевать иногда оставалась.

Обедать мы ходили в академическую столовую. У нас были карточки. За каждый обед вырезали талончик. Столовая была хорошая. Потом в институте появился буфет.

В 1947 году я ездила с Софьей Григорьевной в экспедицию на Залучинскую биологическую станцию, она тогда принадлежала ЗИНу. За Бологое нужно было ехать. Мы ехали в открытом грузовике, брезентом укрывались. Когда проезжали Новгород, меня просто потрясло, насколько он был разрушен. Все магазины были в матерчатых палатках.

В Залучье работали гидробиологи: Вера Яковлевна Панкратова, Владимир Иванович Жадин, Гаяна Христофоровна Шапошникова. Жадин там был с семьей, с женой и двумя маленькими детьми. Жена его тоже там работала. Гаяна Христофоровна меня иногда просила ей помогать, вечером, когда работа с Софьей Григорьевной уже заканчивалась, мы с ней спускали резиновую лодку, и она брала свои пробы. Она рыбами занималась. Там была большая усадьба прямо над озером, в ней была лаборатория устроена. А мы жили в отдельном домике, где были комнаты. Потом я еще туда ездила, но при усадьбе больше не жили, жили на станции Академическая.

В 1948 году мы ездили с Софьей Григорьевной работать в Пицунду. По окрестностям ходили пешком. В Новый Афон ездили, в пещеры пробирались. Там еще не было монастыря.

В 1953 году мы ездили с Софьей Григорьевной и Лидией Андреевной Жильцовой в экспедицию на Кавказ, в Бакуриани. Мы ездили на озеро Рица, но там были правительственные дачи, туда нельзя было подходить. Мы работали на речке Бзыбь, которая из озера вытекает¹. Я работала и водным, и воздушным сачком, хорошо знала ручейников, разбирала пробы.

Тогда от Сочи до Пицунды и до Нового Афона можно было доехать по морю. Ходили очень хорошие удобные суда, которые СССР после войны получил в качестве компенсации [репарации].

В 1964 году Софью Григорьевну сократили, отправили на пенсию. Она очень переживала и в 1968 году умерла.

После декретного отпуска я стала работать лаборантом в отделении жуков, потому что у Лидии Андреевны была уже лаборантка, Екатерина Александровна Тетюева. Сначала я работала с долгоносиками, вместе с Л. В. Арнольди и Маргаритой Ервандовой. Рукописи их печатала на машинке.

У нас были ночные дежурства по институту. Мы в маленькой комнатке при музее ночевали. Вечером, когда все сотрудники уходили, делали обход. Проверяли, всё ли закрыто. В подвале выключали рубильники. Я, когда дежурила, брала с собой пишущую машинку и печатала рукописи. Я и для «Энтомологического обозрения» помогала

¹ Из озера Рица вытекает р. Юпшара, впадающая в р. Гега, а та, в свою очередь, в р. Бзыбь. Примечание Б. М. Катаева.

А. К. Чистякова, Л. А. Жильцова и местный мальчик. Грузия, Бакуриани, на берегу р. Бакурианка, 1953 г. Фото из личного архива А. К. Чистяковой.

А. К. Чистякова, С. Г. Лепнёва, Л. А. Жильцова и два местных мальчика. Во время полевых сборов в Грузии, 1953 г. Фото из личного архива А. К. Чистяковой.

А. К. Чистякова. Работа с амфибиотическими насекомыми. Грузия, 1953 г.
Фото из личного архива А. К. Чистяковой.

печатать. Когда я пришла, главным редактором был [Александр Александрович] Штакельберг, а Глеб Сергеевич Медведев был его помощником. Вера Андреевна Рихтер тоже в журнале работала, она хорошо знала английский язык.

Когда я с коллекциями работала, то и ставила, и этикетировала, и разбирала по семействам. Тогда на всех жуков было всего два лаборанта. [Сейчас – один. Примечание редактора.] Коллекции мы защищали от вредителей с помощью ртути вплоть до начала 70-х годов. Бывало, возьмешь ящик, а ртуть так и рассыплется. Собирать ее было очень трудно. Если в каком-то ящике была щель, то ртуть туда проваливалась, и уже ее было не найти. Потом была специальная комиссия, и нас заставили всю ртуть из коллекции убрать. Мы ее в баночки сливали. Потом приезжали проверять, все ли слили. Тогда перешли на нафталин. Ящик нафталина поставишь перед собой, папиросной бумаги нарежешь и как конфетки делаешь, такие круглые. Потом уже вынимаешь ящик из коллекции. Две тряпочки – сухая и чуть влажная. Нужно всю пыль собрать аккуратно, потом стекло протереть с обеих сторон, если ящик со стеклом, и потом уже можно класть нафталиновую конфетку. Булавками ее тоже закрепляли. Потом следующий ящик.

Наши энтомологи много работали на лесозащитных полосах. Туда ездили лаборантки В. П. Рудольф и К. Г. Ромадина. Я один раз тоже ездила вместе с Л. В. Арнольди. В начале 70-х годов я один раз была в экспедиции в Монголии.

В конце 60-х годов был большой ремонт в нашем корпусе. Это примерно совпало с Энтомологическим конгрессом в Москве. Тогда библиотеку перевозили на хоры. Коллекции перемещали. А в нашем коридоре появились вот эти деревянные шкафы,

Празднование Нового года в лаборатории систематики насекомых энтомологии ЗИН.
 Слева направо: О.Л. Крыжановский с С. Г. Медведевым, Л. В. Арнольди, В. Пулавский, ???,
 А. К. Чистякова с дочерью Надей, дочь Е. Л. Гурьевой Маша, ???, С. Н. Мярцева,
 Р. А. Каменская, ???, Е. Л. Гурьева, А. А. Штакельберг, Л. А. Чубарева.
 Фото из личного архива О. Л. Крыжановского.

которые идут вдоль перегородки. А до этого были такие раздвижные застекленные двери, поэтому все, что за ними, и называется «за перегородкой». А шкафы, помню, тогда заказывали в Новгороде. Именно к 1968 году, к конгрессу. Я туда ездила на фабрику. И мастера оттуда к нам приезжали. Они нам и ящики коллекционные сделали, причем очень хорошие, не то, что столярная мастерская академическая делала.

Ставила я много [материала] для Глеба Сергеевича, для Льва Владимировича. Когда разбирала по семействам, то раскалывала по ящикам – это для Арнольди, это для Маргариты Ервандовны. Карабид для О. Л. Крыжановского – в третий. Сборы поступали отовсюду. Прежде чем накалывать, нужно было увлажнить. Брли такой круглый сосуд с хорошим прокаленным влажным песком, и матрасик туда на ночь ставили. На следующий день уже накалывали. Те семейства, по которым специалиста не было, я сама ставила. В керамбицидах [жуках-усачах] уже неплохо разбиралась. А. Л. Лобанов тогда еще у нас не работал.

Еще я ходила доливать коллекции в других отделениях. Когда Катя Тетюева ушла, коллекцию веснянок стало некому обслуживать, и я ее иногда доливала. Пауки были многие в таких стеклянных банках с притертыми крышками, их нужно было обмазывать парафином. Однажды привезли большую коллекцию одного любителя, и мы ее разбирали».

А. К. Чистякова в Зоологическом институте АН СССР, 1973 г.
Фото из личного архива А. К. Чистяковой.

Как и большинство советских людей, чье детство пришлось на период коллективизации, а молодость – на военные годы, Александра Климентьевна прошла через нечеловеческие испытания, однако до конца жизни она сохранила доброе отношение к людям и преданность своей работе. Память о ней навсегда останется в сердцах нескольких поколений энтомологов, как и созданные при ее активном участии бесценные научные коллекции.

Мы выражаем глубокую благодарность Н. Ю. Чистяковой за организацию интервью с Александрой Климентьевной, а также М. О. Крыжановской и всем сотрудникам Зоологического института, помогшим в подготовке некролога – Е. В. Дубининой, Б. М. Катаеву, Э. П. Нарчук и Е. П. Тихоновой.